

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Нижегородский государственный университет
Саратовский государственный университет

ПОВОЛЖСКИЙ АНТИКОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ANTIQVITAS AETERNA

ВЫПУСК 4

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ, КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ
АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРОБЛЕМЫ (РЕ)КОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

A Ae

Нижний Новгород
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
2014

УДК 355(3)(09)

ББК 63.3(0)3

A72

Рецензенты:

д.и.н., проф. Н. Н. Болгов (Белгород)
кафедра гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ Пермь

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. Е.А. Молев (ННГУ) (отв. ред.), д.и.н., проф. С.Ю. Монахов (СГУ) (зам. отв. ред.),
д.и.н., проф. О.Л. Габелко (РГГУ) (отв. секр.), д.и.н., проф. А.В. Махлаюк (ННГУ), д.и.н., проф.
В.Н. Парфёнов (СГТУ), д.и.н., проф. А.В. Подосинов (ИВИ РАН, МГУ), к.и.н., доц.
Е.В. Смыков (СГУ), д.и.н., проф. Э.Д. Фролов (СПбГУ), д.и.н., доц. Е.А. Чиглинцев (К(П)ФУ)

Ответственные редакторы выпуска А.В. Махлаюк, О.Л. Габелко

ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал.
Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной истори-
ческой науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред.
А72 А. В. Махлаюка и О. Л. Габелко. — Нижний Новгород: Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. — 553 с.

Четвертый выпуск журнала посвящен проблемам истории понятий как составной ча-
сти исторической науки и категориальному аппарату, которым пользуются современные
историки, (ре)конструируя прошлое античных обществ. Большинство статей подготовлены на
основе докладов, представленных на II авторско-читательской конференции журнала, состо-
явшейся в апреле 2014 г. в Нижегородском государственном университете им.
Н.И. Лобачевского. В материалах выпуска исследуется политическая, правовая, этническая и
социокультурная терминология греческих и римских источников в связи с историческими реал-
иями и процессами, характерными для разных периодов античной истории, рассматриваются
дискуссии вокруг ключевых категорий, используемых в современном антиковедении.

В разделе «Переводы и комментарии» представлены комментированные переводы
произведений античных и раннесредневековых авторов (Солона, Плутарха, Валерия Мак-
сима, Исидора Севильского).

Для научных работников, аспирантов и студентов, всех интересующихся историей
Античности.

Издание подготовлено при поддержке гранта (соглашение от 27 августа 2013 г.

№ 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

*При оформлении обложки использованы иллюстрации из книги
«Schatze in Trier», Trier, 1996 и XI сегмент Tabulae Peutingerianae
(Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002).*

УДК 355(3)(09)

ББК 63.3(0)3

© Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014
© Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского, 2014
© Саратовский государственный университет, 2014

АНТИГОН МОНОФТАЛЬМ И АНТИГОН ФУСК: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДВУХ ПРОЗВИЩ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХОВ*

В статье анализируются неофициальные эпитеты двух представителей царского дома Антигонидов – Антигона I Монофталма (Одноглазого) и Антигона III, больше известного как Досон, но именуемого также Фуск (Porphyg. ap. Euseb. Chron. I. 237–238, 241–242 Schoene). Согласно точке зрения автора, Антигон I получил свое прозвище после дискредитировавшей его истории с убийством враждебного ему философа Феокрита Хиосского, который издевательски именовал царя, потерявшего глаз в результате ранения, Циклопом (Plut. Mor. 11b; 633c; Ael. Var. Hist. XII. 43). Прозвище Μονόφθαλμος, в отличие от семантически нейтрального Ἐτερόφθαλμος, во многих источниках связывается именно с циклопами и не применялось более ни к кому из одноглазых исторических персонажей, кроме Антигона I. Что же до прозвища Φούσκος, то оно, согласно лексикографу Гесихию (s. v.), означает «Остроголовый» и, видимо, передает характерную черту внешности Антигона III, представляя собой, вероятно, македонскую глоссу.

Ключевые слова: Антигониды, неофициальные прозвища, интерпретация.

Данную небольшую статью следует расценивать как один из первых шагов к систематичной разработке довольно масштабной и кажущейся весьма перспективной темы, связанной с комплексным анализом неформальных прозвищ эллинистических правителей. Два рассмотренных здесь сюжета прекрасно иллюстрируют все разнообразие такой проблематики, поскольку если первый из этих эпитетов, как кажется, не таит в себе никаких сложностей для понимания, то второй до сих пор не подвергался в науке адекватному толкованию.

Как известно, в монархии Антигонидов (тут не место рассуждать, по каким именно причинам) не сложился «полноценный» царский культ, широко распространенный в других эллинистических царствах. Поэтому у представителей данной династии отсутствовали и официальные тронные имена; как таковые не следует расценивать некоторые эпитеты, прилагавшиеся к ним в надписях (как правило, посвяtitельных), составленных от лица полисных коллективов или частных лиц: таких эпиклес немного, встречаются они чаще всего лишь однократно и в традиции не закрепились¹. В этой ситуации особую

* Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры: формы и эволюция взаимоотношений в греко-римском мире». Выражаю признательность за помощь в работе Ю. Н. Кузьмину, при этом все возможные ошибки и спорные выводы должны быть отнесены исключительно на мой счет.

роль обрели неофициальные прозвища Антигонидов, которые позволяют судить об отношении подданных и вообще современников к тому или иному монарху, об особенностях общественной психологии эллинистического общества и о присущих людям того времени чувстве юмора и иронии, зачастую довольно сильно политизированных. Неофициальные эпитеты Антигонидов многочисленны², весьма разнообразны, емки и — каждый по-своему — уникальны; они, в сущности, полностью заменили собой принятые у представителей других династий формальные тронные имена, связанные с царским культом³.

* * *

Смысл прозвища первого царя из династии Антигонидов Антигона I Монофтальма (Одноглазого) (306–301 гг. до н. э.), на первый взгляд, вполне очевиден, однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что оно таит в себе весьма любопытные нюансы, которые оказались не учтены даже в новейшем и чрезвычайно содержательном исследовании Ф. Муччиоли, посвященном официальным эпитетам эллинистических царей. Несомненна его связь с приобретением Антигоном физического недостатка — тяжелого ранения, полученного им при осаде Перинфа войском Филиппа II в 340 г. до н. э. Плутарх сообщает: «Этим (щедростью Александра по отношению к приближенным. — О. Г.) воспользовался Антиген⁴ Одноглазый (Ἀντιγένης ὁ Ἐτερόφθαλμος)... Этот Антиген проявил себя замечательным воином. Когда он был еще юношей и находился в войсках Филиппа, осаждавших Перинф, ему в глаз попала стрела из катапульты, но он не позволил вынуть стрелу и не покинул строя до тех пор, пока враги не были оттеснены и заперты в стенах города» (*Alex.* 70; пер. М. Н. Ботвинника и И. А. Перельмутера). Как ἔτερόφθαλμος Антигон фигурирует и в других источниках (*Plut. Mor.* 11b; 633c; *Sert.* 1⁵; *Ael. Var. Hist.* XII. 43), причем во всех этих пассажах, в отличие от данного рассказа Плутарха, данное слово означает именно чисто физическую характеристику, а не собственно прозвище. В историю же Антигон вошел именно в качестве Моноф-

¹ См. подборку данных об Антигонидях: Muccioli 2013, 69–72, 77–80, 146–150.

² Для Антигонидов, как и для некоторых Птолемеев, не является редким появление нескольких неофициальных прозвищ для одного монарха, чего вроде бы не наблюдается с представителями других эллинистических династий; см. Breccia 1966, 126–128.

³ См. о таком явлении в целом: Van Nuffelen 2009, 107–109.

⁴ Очевидно, ошибка в рукописи: Антигон спутан с другим командиром Александра, Антигеном (о физическом дефекте которого в источниках ничего не говорится за его отсутствием). Антигон во время описываемых событий находился в Малой Азии, а не при дворе Александра. См. обстоятельный обзор противоречий в источниках и предшествующей литературе: Billows 1991, 27–29; Heckel 2006, 30–31.

⁵ Здесь он поставлен в один ряд с другими одноглазыми государственными деятелями (Филипп II, Ганнибал, Серторий), которых херонейский писатель оценивает, по крайней мере, в данном пассаже, вполне положительно.

тальма (при этом следует отметить, что такие упоминания его тоже немногочисленны: Hieronym. F. 3-4 = Ps.-Luc. *Macrob.* 11, 13; Polyb. V. 67. 7), так что много более распространенным его «основной» эпитет является в современной историографии, нежели у античных авторов⁶.

Интересно, однако, что для Антигона I засвидетельствовано еще и откровенно оскорбительное и издевательское прозвище «Циклоп» — ὁ Κύκλωψ⁷. О нем довольно подробно рассказывает Плутарх, связывая его появление с софистом Феокритом с Хиоса⁸: «Сходно и связано с этим (заключением в тюрьму поэта Сотада Птолемеем II Филадельфом за порицание его брака с сестрой Арсиной. — О. Г.) также то, что сказал и что вытерпел софист Феокрит — и даже более ужасно⁹. ...И в Антигоне, царе македонян, который был одноглазым (ἑτερόφθαλμον ὄντα), он вызвал неумеренный гнев, насмехаясь над ним из-за его увечья. Так, царь отправил к Феокриту своего главного повара Эвтропиона, который ранее был у него военачальником, желая, чтобы Феокрит прибыл к нему для бесед (τὸν γὰρ ἀρχιμάγειρον Εὐτροπίωνα γεγενημένον ἐν τάξει πέμψας παραγενέσθαι πρὸς αὐτὸν ἡξίου καὶ λόγον δοῦναι καὶ λαβεῖν). Когда Эвтропион сообщил об этом, много раз приходя к Феокриту, тот сказал: “Я хорошо знаю, что ты хочешь подать меня Циклопу сырым”, глумясь тем самым над одним за его увечье, а над другим — за то, что тот был поваром

⁶ См. хотя бы название важной монографии: Müller 1973. Довольно странно выглядят упоминания у Иоанна Малалы Антигона Полиоркета (*Chron.* VIII. 9-10. P. 197, 199, 201 Dindorf). Было бы заманчиво считать это прозвище реальным, связывая его, например, с таким крупным событием в военно-политической карьере Антигона I, как, скажем, осада и захват Тира в 315–314 гг. до н. э. (см. об этих событиях: Billows 1991, 111-117), однако это — очевидная ошибка, каковых у данного позднего автора огромное количество, в чем убеждает, прежде всего, фраза о «Деметрии, сыне Антигона Полиоркета» (198); ср.: Muccioli 2013, 73, not. 196.

⁷ Д. Кэмпбелл полагает, что Антигон не мог быть доволен прозвищем «Циклоп» из-за коннотаций, связанных с пьянством и распущенным поведением этих мифологических персонажей (Campbell 2009, 20), однако, как станет видно, Плутарх дает другое, гораздо более правдоподобное объяснение (тем более что сам Антигон, судя по сообщениям источников, отличался вполне воздержанным характером и образом жизни — см. Teodorsson 1990; Billows 1991, 9–12).

⁸ См. об этом философе: Laquer 1934, 2025–2027; конкретно о данных эпизодах и их месте в системе взаимоотношений между царями и поэтами в эпоху раннего эллинизма: Weber 1998–1999, 150–153; особ. 158–162; ср.: Teodorsson 1990.

⁹ Далее следует рассказ о резких высказываниях Феокрита в адрес Александра Македонского, в результате чего философ стал врагом царя; прямого отношения к теме нашего исследования он не имеет, хотя недвусмысленно демонстрирует независимый характер и едкое остроумие Феокрита, а также его резко отрицательное отношение к македонским царям вообще. Ср. сообщение о порицании Феокритом Аристотеля за то, что он жил в Македонии, воспитывая юного Александра (Plut. *Mor.* 603c) (с интересным комментарием: Борза 2014, 370).

(μάγειρος)¹⁰. “Тебе не сносить головы, — ответил Эвтропион, — и ты получишь по заслугам за чрезмерную болтливость и безрассудство”. Он сообщил о сказанном царю, и тот послал к Феокриту убийцу (ὁ δὲ πέμψας ἀνείλε τὸν Θεόκριτον)» (Plut. *Mor.* 11)¹¹. Эти же события несколько иначе излагаются и в другом сообщении херонейского писателя: «...Лысые снисходительно относятся к подшучиванию над их недостатком, а имеющие глазное увечье — неприязненно. И действительно, Антигон сам острил, касаясь своего одноглазия (ἑαυτὸν εἰς ὀφθαλμὸν ἔσκωπτεν): так, получив однажды просьбу, написанную крупными буквами, сказал: “Это и слепой легко разберет”. Но Феокрита хиосца он убил (ἀπέκτεινε), узнав, что тот, когда ему сказали, что он может спасти себя, явившись царю на глаза (εἰς ὀφθαλμούς), ответил: “Но для меня это невозможно, даже ради спасения”» (*Mor.* 633c; пер. Я. М. Боровского с изменениями)¹².

¹⁰ Вновь остроумная игра слов: μάγειρος означает как «повар» в широком смысле слова, так и «мясник», причем и в значении, синонимичном русскому (а также и английскому) понятию «жестокий убийца» (Billows 1990, 386). Кстати, у Еврипида под обозначением Ἄιδου μάγειρος фигурирует именно циклоп (*Cyclops.* 397)!

¹¹ См. также Ael. *Var. Hist.* XII. 43, где говорится о том, что «Антигон, сын Филиппа, кривой на один глаз и потому прозванный Циклопом (ὁ καὶ ἑτερόφθαλμος καὶ ἐκ τούτου Κύκλωψ προσαγορευθεῖς), некогда жил трудом собственных рук (αὐτοῦργος ἦν)» (пер. С. В. Поляковой с уточнением). Это упоминание в ряду других примеров головокружительных политических карьер типа «из грязи в князи» носит явно пейоративный и почти наверняка необъективный характер (о роде Антигона надежных сведений нет, но кажется наиболее вероятным его знатное происхождение [Billows 1990, 15-17]). Весьма возможно, что оно связано именно с тем же несчастным софистом Феокритом, так как, судя по контексту рассказа Плутарха, тот чем-то заслужил немилость Антигона (относительно) задолго до своей гибели, да и «переговоры» между ним и посланцем царя Эвтропионом относительно возможности личной встречи шли довольно долго, так что у философа было достаточно возможностей высказать в адрес царя самые разнообразные инвективы, часть которых могла сохраниться в традиции.

¹² Ср.: Macrobius. *Sat.* VII. 3. 12 — практически та же самая информация, с той лишь разницей, что Феокрит будто бы был доставлен непосредственно к Антигону и будто бы мог получить прощение, но был казнен вследствие нанесенного царю оскорбления (как и в переводе Я. М. Боровского). Несмотря на определенную неясность в рассказах Плутарха, все же более вероятной кажется ситуация, подразумевающая, что Феокрит не находился в сфере непосредственной власти и досягаемости Антигона (хотя Хиос и был подчинен царю: Weber 1998–1999, 159, с библиографией), вследствие чего следует говорить именно о его *убийстве*, а не о казни. Мнение С. Т. Теодорссона о том, что именно Макробий передает более точную информацию, и Феокрит сам превысил «лимит милосердия» царя (Teodorsson 1990), не выглядит надежно доказанным: скорее, следует допустить неточность в рассказе позднего римского автора, так как в его изложении поведение Феокрита выглядит совсем уже безрассудным и нелогичным.

Обе эти истории показывают, что, судя по всему, именно Феокрит и придумал это крайне унижительное для Антигона прозвище¹³ со всеми его коннотациями или, по крайней мере, придал огласку (причем исключительно ярко и образно!) тем выражениям, которые были на устах у греков и македонян, не симпатизировавших этому царю. Не исключено, что хиосский софист в своих поношениях Антигона «пустил в оборот» и ставшую достаточно употребительной его характеристику как Монофтальма. Очевидно, история с убийством Феокрита, характеризующая Антигона в самом невыгодном свете, получила у современников достаточно широкую известность. Здесь принципиально важно подчеркнуть существенное смысловое различие между двумя словами, переводящимися на русский (да и на другие современные языки) совершенно одинаково — «одноглазый», ἑτερόφθαλμος и μονόφθαλμος. Оно зафиксировано в малоизвестных источниках¹⁴ и неочевидно даже для некоторых из античных авторов¹⁵, не говоря уже о современных, но позволяет предположить, что с Антигоном первоначально, после его ранения, связыва-

¹³ Очевидно, можно предполагать для некоторых прозвищ эллинистических правителей, в том числе и для получивших широкую известность, «индивидуальное» авторство. Ср. с доказательным мнением, что презрительная кличка Φύσκων была присвоена Птолемею VIII Эвергету II видным филологом Аристархом Самофракийским, вынужденным покинуть Александрию из-за преследований этого царя (Nadig 2007, 67). См. также рассказ Плутарха о том, что Деметрий, вошедший в историю как Полиоркет, получил ироническое прозвище «Миф» из-за его любовной связи с афинской гетерой Ламией от некоего Демохара из Сол на том основании, что «в мифах — своя Ламия, а у него — своя») (Plut. *Demetr.* 27. 2; ср.: Plut. *Comp. Dem. et. Ant.* 3).

¹⁴ Наиболее показательные примеры: Ammon. *De adfin. vocab. different.* 197: «Гетерофтальм и монофтальм различаются (между собой). Гетерофтальм – тот, кто из-за несчастного случая потерял один глаз, а монофтальм – имеющий один глаз, подобно циклопу» (ἑτερόφθαλμος καὶ μονόφθαλμος διαφέρει. ἑτερόφθαλμος μὲν γὰρ κατὰ περίπτωσιν πηρωθεὶς τὸν ἕτερον τῶν ὀφθαλμῶν, μονόφθαλμος δὲ ὁ μόνον ὀφθαλμὸν ἔχων ὡς ὁ Κύκλωψ). Ср. Ael. Herod. et Ps.-Herod. *Philetairos.* 279: «Гетерофтальм — утративший один глаз, как Филипп (*sic!* — *O. Γ.*; это замечание особо важно в связи с дальнейшим сюжетом о Филиппе). Монофтальм же от рождения имеет один глаз, как циклопы» (Ἐτερόφθαλμος ὁ ἀφηρημένος τὸν ἕτερον τῶν ὀφθαλμῶν, ὡς ὁ Φίλιππος. Μονόφθαλμος ὁ ἐκ γενετῆς ἓνα ἔχων ὀφθαλμὸν, ὡς οἱ Κύκλωπες). В этом контексте сложно согласиться с Ф. Муччиоли, который говорит о восприятии современниками «возможной монофтальмии» Филиппа с соответствующими оценками его личности и политики (Muccioli 2014, 69). Lex. Segueriana. *Glossae rhet.* P. 280: «Монофтальм: некое племя людей, имеющих один глаз. А тех, кому выбьют один глаз, называют гетерофтальмами». Μονόφθαλμος· ἔθνος τι ἀνθρώπων ἓνα ὀφθαλμὸν ἐχόντων. τοὺς γὰρ τὸν ἕτερον ἐκκοπέντας ὀφθαλμὸν Ἐτεροφθάλμους καλοῦσιν. Наряду с «народом» с говорящим названием монофтальмы такая характеристика, помимо циклопов, часто прилагается к мифическим аримаспам. Различие между ἑτερόφθαλμος и μονόφθαλμος со ссылкой на Аммония отмечено в словаре LSJ (s. v. μονόφθαλμος).

¹⁵ Интересно, что например, Гесихий, при всей его эрудированности, эту разницу игнорирует (s. v. ἑτερόφθαλμος).

лось первое из них – семантически вполне нейтральное (и даже, вероятно, не вполне оформившееся в качестве реальной эпиклесы)¹⁶. Однако если суровая и несправедливая расправа¹⁷ с Феоκριтом стала общеизвестной, то Антигон именно после и вследствие нее мог получить гораздо более известное свое прозвище, намекающее уже не столько на его увечье, сколько на поистине «циклоповскую» жестокость и тиранические наклонности¹⁸. Характерно, что, как свидетельствуют материалы корпуса *TLG*, ни один из одноглазых исторических персонажей, кроме него, не удостоился сомнительной «честь» быть названным Монофталмом!

В этой связи необходимо упомянуть гипотезу, согласно которой прозвище «Циклоп» могло применяться и к Филиппу II: она была разработана А. Свифт Ригинос¹⁹ на основании глубокого анализа отрывочных сведений источников (*Duris FGrHist* 76 F 36; *Marsyas FGrHist* 135-6 F 17; *Didym. Col.* XII. 55-62) и ныне имеет своих сторонников²⁰. Тем не менее, эту точку зрения трудно при-

¹⁶ И даже, возможно, косвенно подразумевающее его воинскую доблесть, проявленную при штурме Перинфа и получении раны (*Plut. Alex.* 70), см. выше, а также *Muccioli* 2013, 69. Ср. с мнением А. С. Шофмана: Антигон «тяжело переживал свое увечье, хотя внешне он стал похожим на своего повелителя, который тоже был одноглазым» (Шофман 1984, 38). Первая часть, фразы, видимо, содержит аллюзии на рассказ Плутарха; что же до возможного «утешения» (надо признать, довольно слабого!), каковым для Антигона могло стать его сходство с Филиппом, то в источниках упоминаний о нем нет (см. далее).

¹⁷ «Нет сомнений, что Антигон временами бывал безжалостным и жестоким, но быть иногда суровым и беспощадным являлось неотъемлемой частью военной карьеры, которой он следовал, и времени, в которое он жил; по большей части Антигон проявлял жестокость в политических делах, а не из личной неприязни» (*Billows* 1990, 11); здесь же (*not.* 6) приведены конкретные примеры. Р. Биллоуз, однако, не упоминает тут историю убийства Феоκριта, явно не соответствующую данному тезису, хотя и говорит достаточно подробно о нем в другом месте своей монографии (*Billows* 1990, 386).

¹⁸ Нас едва ли должно смущать то, что как Монофталм Антигон фигурирует в пассажах Псевдо-Лукиана, восходящих к Гиерониму Кардийскому — писателю, известному своей приверженностью к дому Антигона (см., например: *Hornblower* 2001, 11–15). Отнюдь не обязательно считать, будто это прозвище содержалось непосредственно в труде самого Гиеронима, так как данные места из «Долгожителей» наверняка не представляют собой прямых цитат, а, наиболее вероятно, используют лишь важные для автора цифровые данные из сочинения кардийского историка. Так что оно могло быть добавлено самим Псевдо-Лукианом. Ср. с мнением П. ван Нуффелена, что в передаче царских эпитетов даже у фрагментарно сохранившихся авторов, более или менее близких по времени жизни описываемым ими событиям, все же прослеживается определенная система, тогда как возможные отклонения в большинстве случаев следует связывать с позднейшими источниками, ссылающимися на своих предшественников (*Van Nuffelen* 2009, 95).

¹⁹ *Swift Riginos* 1994, 109–111.

²⁰ Так, Ф. Муччиоли в самом начале экскурсии об Антигоне говорит о том, что тот был известен в традиции как Монофталм и, соответственно, Циклоп, а также припи-

нять, поскольку строится она, в сущности, на *argumentum ex silentio*. Так, упоминание о гневе, в который впадал после ранения македонский царь, если кто-либо упоминал при нем циклопа и даже вообще глаз (Demetr. *De eloc.* 293)²¹ вполне можно вполне можно обычными человеческими причинами: как известно, в доме повешенного не говорят о веревке (вспомним упоминание чувств Антигона в рассказах Плутарха!). В то же время в традиции не сохранилось непосредственных упоминаний о подобном прозвище Филиппа; однако трудно усомниться в том, что, если бы оно существовало в действительности, то было бы непременно использовано, к примеру, Демосфеном, не скупившимся на хулу в адрес царя²², либо кем-то другим из его политических противников. В пользу его отсутствия (по крайней мере, в письменной традиции), что особо важно, свидетельствует и проведенный выше терминологический анализ.

Следует отметить и еще один момент. Точно датировать заочную ссору Антигона с Феокритом и гибель философа невозможно, однако, судя по упоминанию Плутархом царского статуса Антигона, последнее событие произошло после 306 г. до н. э., когда тот возложил на себя диадему. Таким образом, новое прозвище, несущее несомненные негативные аллюзии, должно было привиться к Антигону всего лишь за несколько лет до его гибели в 301 г. до н. э., однако память о нем в традиции сохранилась. Пожалуй, это могло произойти не только благодаря молве и общественному мнению, но и в немалой степени в результате стараний других диадохов — его политических противников, которым было выгодно очернение имиджа их врага²³.

сывает это прозвище и Филиппу, однако не обосновывает эту идею (Muccioli 2013, 68–69).

²¹ Φίλιππος μὲν διὰ τὸ ἑτερόφθαλμος (sic! — О. Г.) εἶναι ὠργίζετο, εἴ τις ὀνομάσειεν ἐπ' αὐτοῦ Κύκλωπα ἢ ὀφθαλμὸν ὄλωσ.

²² См. некоторые примеры (без повторов; перевод С. И. Радцига): II. 5 — Филипп использует обман; 18 — Филипп безмерно честолюбив; он любитель «невоздержанности в повседневной жизни, кутежей и непристойных плясок»; 19 — он собирает вокруг себя всякий сброд; 20 — Филипп сумасброден; III. 16 — Филипп враг (ср. VIII. 3), варвар и заслуживает наихудшей брани; 18 — он поработщает греческие города; IV. 34 — Филипп грабит и захватывает в плен греческих мореплавателей; VI. 25 — он враг свободы и противник законов; VIII. 60 — Филипп хочет совершенно уничтожить афинское государство; IX. 26 — Филипп жесточайшим образом разоряет греческие города и (27) насаждает тирании; он невообразимо жаден; 31 — даже «варвар-то он не из такой страны, которую можно было бы назвать с уважением, но это — жалкий македонянин, уроженец той страны, где прежде и раба порядочного нельзя было купить»; 32 — Филипп крайне нагл (ср.: X. 2) и пр. В этом контексте стоит вспомнить и хлесткое оскорбление «Маргит», брошенное оратором Александру Македонскому (Aeschin. III. 160; Plut. *Dem.* 23). Показательно, что Демосфен упоминает и потерю Филиппом глаза наряду с другими его ранениями (XVIII. 67), но делает это даже в смысле, отчасти благоприятном для своего уже мертвого врага, подчеркивая его неутомимую энергию.

²³ Ср.: Muccioli 2013, 69, с указанием на другие примеры ассоциации образа циклопа с жестокими и несправедливыми правителями в политической пропаганде начи-

* * *

Антигон III (229–221 гг. до н. э.) приходился Антигону Монофталму правнуком, являясь отпрыском сына Деметрия Полиоркета Деметрия Красивого и фессалийки Олимпиады. Он был «награжден» даже тремя эпиклесами. Две из них, Δώσω и Ἐπίτροπος, несмотря на некоторые детали, особых трудностей для интерпретации не представляют²⁴. Совершенно иначе обстоит дело с еще одним прозвищем Антигона III — Фуск (Φούσκος), которое появляется лишь у Евсевия: «Когда же Филипп (сын Деметрия II, будущий Филипп V. — О. Г.) осиротел, его опекуном стал другой Антигон из царского рода, имевший прозвище Фуск. Македоняне, следя за тем, чтобы Фуск был справедливым опекуном, сделали его царем и выдали Хрисеиду (женщину, которая ранее была названа женой Деметрия и матерью Филиппа. — О. Г.) за него замуж» (Porphyr. ap. Euseb. Chron. I. 237–238 Schoene)²⁵. Как Фуск Антигон III фигурирует и в списке македонских царей (241–242). Обычно этот эпитет комментируют как «загадочный», «трудный для понимания» и т. д.²⁶; некоторые исследователи даже не исключают, что это прозвище может представлять собой ошибку Евсевия²⁷ (а чаще всего оно попросту игнорируется²⁸). Есть мнение, что оно имеет связь со словом φύσκω (Φύσκω — «Пузатый» — прозвище, засвидетельствованное для Птолемея VIII Эвергета II; см.: Polyb. XXXIV. 14. 6; Poseid. FGrHist 87 F 26; Diod. XXXIII. 22; XXXIV. 14; Strabo. XVII. 1. 11–12)²⁹. Однако такая точка зрения явно не убедительна. Во-первых, какое-либо отношение между двумя этими словами маловероятно само по себе с чисто языковой точки зрения, и никакого обоснования своему мнению сторонники этой гипотезы не приводят. Затем, все, что нам известно об Антигоне III — энергичном политике, умелом военачальнике и храбром воине — в корне противоречит тем отрицательным качествам, за которые получил свое прозвище Пто-

ная с IV в. до н. э. (но без акцента на хронологическом аспекте событий). См. в целом о «пикировках» диадохов в отношении личностей и царского достоинства друг друга: Plut. *Demetr.* 25.

²⁴ Подробный разбор проблемы прозвищ Антигона III представлен в основательной монографии С. Ле Бозк (Le Bohec 1993, 468–470, 481).

²⁵ Φίλιππον μὲν οὖν ὀρφανεύμενον ἐπετρόπευεν Ἀντίγονος ἕτερος ἐκ τοῦ βασιλείου γένους, ᾧ Φούσκος ἐπάνυμον ἦν. Δίκαιον δὲ τὸν Φούσκον εἰς τὴν ἐπίτροπήν ὀρώντες, οἱ Μακεδόνες ἐστήσαντο βασιλεύειν, καὶ τὴν Χρυσείδα αὐτῷ ἤρμοσαν...

²⁶ Например: Ehrhardt 1978, 253 (... totally unintelligible).

²⁷ Le Bohec 1993, 469; Muccioli 2013, 150, not. 634

²⁸ Включая даже новейшие и весьма основательные коллективные исследования по истории Македонии: Adams 2011; Brill's Companion 2011 (в последнем издании, правда, специальный раздел по царствованию Антигона III и его преемников отсутствует, хотя сам этот царь, разумеется, многократно упоминается).

²⁹ Hammond, Walbank 1988, 337, not. 5.

лемей Фискон³⁰. Наконец, весьма вероятным представляется тот факт, что Антигон III страдал туберкулезом, от которого и умер (см. Polyb. II. 70. 6; Plut. *Cleom.* 16. 7; 30. 2)³¹, а для этой болезни, как хорошо известно, характерна значительная потеря веса (даже нет необходимости делать специальные ссылки; достаточно вспомнить те ассоциации, которые возникают при слове «чахоточный») – так что едва ли он мог быть «Пузатым».

С. Ле Боек, пытаясь разобраться с «загадочным» прозвищем Антигона III, обратила внимание на существование городка Φύσκος в Локриде Озольской (Steph. Byz. s. v.)³², однако она проявила разумный скепсис в отношении того, что данный топоним каким бы то ни было образом связан с созвучным эпитетом царя. Эта же исследовательница указала на почти полную идентичность звучания непонятого эпитета латинскому слову *fuscus* (мрачный, темный), отметив, что уже в республиканское время в Риме засвидетельствован такой когномен³³. Тем не менее, и этот путь оказывается ложным: некоторые римские когномены в IV и III вв. до н. э. имели греческое происхождение³⁴, однако обратное влияние для этого времени представляется исключительно маловеро-

³⁰ См. показательное название уже упоминавшейся монографии П. Надига: Nadig 2007. Ср. с хрестоматийным примером, рисующим отношение греков (в данном случае — Эпаминонда) к чрезмерной полноте как к пороку, категорически не согласующимся с военным делом: Plut. *Mor.* 192c-d).

³¹ См. Le Bohec 1993, 467. Дополнительное важное, хотя и косвенное свидетельство — смерть Арата. Фраза греческого политика о том, что его смертельная болезнь — это воздаяние за дружбу с царями (Plut. *Arat.* 52), может быть понята как указание не на отравление Филиппом V, а на заражение туберкулезом от Антигона Досона (Сивкина 2009, 366-368).

³² Теоретически можно было бы допустить какое-то отношение этого топонима к царскому прозвищу по тому же образцу, который постулируется для Антигона Гоната и фессалийских Гонн, где он будто бы родился (Kaerst 1894, 2413; Gabbert 1997, 1). Сходный принцип действительно имеет место в примерах из истории Селевкидов — наименование правителей по месту их хотя и не рождения, но длительного пребывания: Антиох VII Сидет (Euseb. *Chron.* I. 255 Schoene = Porphyr. *FGrHist.* 260 F. 32; ср.: Just. XXXV. 2. 1) и Антиох IX Кизикен (Jos. *Ant. Jud.* XIII. 271; App. *Syr.* 68; Euseb. *Chron.* I. 257 Schoene), однако применительно к Антигону он справедливо критикуется, так как в надписях граждане Гонн именуются не Γονατᾶς, а Γοινεύς (Syll.³ II. 638 v. 5; 692 v. 25) (Tarn 1913, 15, not. 1; Volkman 1979, 381; Hammond, Walbank 1988, 316, not. 3). По одной из версий, прозвище Антигона II может восходить к какому-то относительно созвучному топониму, возможно, имеющему отношение к его победе над галатами: Brown, 1979, 301-303.

³³ Le Bohec 1993, 469-470; ср.: Габелко 2000, 53, примеч. 9, где обращено внимание, что данное прозвище фигурирует только в позднем источнике, известном к тому же в латинском переводе.

³⁴ См., пожалуй, наиболее показательный пример с когноменом *Philippus*: Briscoe 1984, 151-153 (в числе прочего разобраны версии, объясняющие появление его у рода Марциев связями с Македонией вообще или даже с ее царским домом).

ятным. Не вполне ясно также, поддерживал ли Антигон Досон вообще какие-либо контакты с Римом, что хотя бы теоретически могло создать основу для прикрепления к нему указанной латинской характеристики³⁵.

Таким образом, на сегодня в историографии отсутствует сколько-нибудь убедительное объяснение «загадочного» прозвища Антигона III. Однако от внимания специалистов странным образом ускользнула возможность дать этому слову, которое представляет собой *hapax*, связанный исключительно с этим царем, вполне непротиворечивое объяснение. Дело в том, что лексикограф Гесихий лаконично, но вполне однозначно трактует Φοῦσκος как «остроголовый» (Hesych. s. v. Φοῦσκος· ὀξυκέφαλος). Приняв во внимание другое сообщение того же источника (s. v. φοξός· λιπόδερμος³⁶, ὀξυκέφαλος), мы получаем все основания предполагать, что прозвище Антигона III представляет собой либо искажение довольно распространенного греческого слова φοξός, имеющего значение «острый» вообще, а также и «остроголовый»³⁷, либо же, что кажется много более вероятным, македонский вариант этого слова (в труде Гесихия содержится более восьми десятков примеров перевода македонских глосс с прямым указанием их этноязыкового происхождения³⁸; наверняка встречаются и случаи без объяснения — возможно, неясные для самого автора)³⁹. К сожалению, никаких идентифицированных изображений Антигона III на сегодняшний день не выявлено, однако следует отметить, что такое понимание его прозвища следует той же традиции, которая присутствует в наделении эпиклесами и других Антигонидов, имевших те или иные характерные особенности внешности⁴⁰, а также имеет явную смысловую

³⁵ См. обзор информации источников и мнений по этому вопросу: Dell 1967, 94–103.

³⁶ Согласно LSJ, это слово имеет значения «without skin», «without a foreskin», «circumcised», и в данном контексте оно вряд ли имеет отношение к прозвищу Антигона III.

³⁷ LSJ s. v. приводит примеры: Π. Π. 219 – описание внешности Ферсита (sic! — О. Г.): φοξός ἔην κεφαλῆν; ср.: Arist. *Physiogn.* 812^a8; Hippocr. *Epid.* VI. 1. 2.

³⁸ См. о македонских глоссах в античных источниках, в том числе у Гесихия: Sowa 2006. См. примеры созвучия между македонскими словами и их греческими эквивалентами: 1) ἄδραια· αἰθρία Μακεδόνες. 2) δάρυλλος· ἡ δρῦς, ὑπὸ Μακεδόνων. 3) ῥοῦτο· τοῦτο. Μακεδόνες. 4) σαῖαι· σαῦδοι. Ἀμερίας τοὺς σειλείνες· οὕτω καλεῖσθαι φησὶν ὑπὸ Μακεδόνων (как в случае с φοῦσκος: и φοξός).

³⁹ Если такая трактовка верна, то приобретает дополнительные аргументы предположение в пользу специфически македонского диалектального (а не чисто греческого) происхождения прозвища также и Антигона Гоната (Beloch 1927, 135-136), до сих пор надежно не этимологизированного. В то же время едва ли можно согласиться с К. Ю. Белохом в том, что македонское слово δώσων было равнозначно греческому ἐπίτροπος (Beloch 1927, 139), т. к. δώσων представляет собой «нормальный» *part. fut. act.* от греческого глагола δίδωμι, так что вряд ли в нем можно видеть македонское слово.

⁴⁰ Антигон I Одноглазый; Деметрий Тощий — Δημήτριος ὁ Ἀεπτός (сын Деметрия Полиоркета от некоей иллирийки: Plut. *Demetr.* 53. 8); Деметрий Красивый — Δημήτριος ὁ Καλός (его же сын от Птолемаиды, дочери Птолемея I и Эвридики: Porphyg. ap. Euseb. 128

переключку с широко известным прозвищем Перикла Σχινοκέφαλος (Plut. *Per.* 3. 4; Cratin. ap. Plut. *Per.* 13. 10; Poll. 2. 43)⁴¹. Такая информация позволяет выявить динамику появления и смены прозвищ Антигона III: очевидно, Φούσκος, как связанное с характерной чертой внешности, было первым, а затем, после фактического прихода его к власти в Македонии в 229 г. до н. э. и установления опекунства над малолетним Филиппом V, этому эпитету на смену пришли (и практически полностью вытеснили его – настолько, что даже забылись и его смысл, и почти что само существование) более актуальные, так или иначе связанные с его политической деятельностью — Ἐπίτροπος и Δώσωι (как это, собственно, и следует из сообщения Евсевия).

Таким образом, на двух примерах становятся вполне очевидными содержание и характер неофициальных прозвищ Антигонидов, игравших довольно важную роль в формировании определенного имиджа того или иного царя и, что характерно, нередко носивших иронический характер⁴².

ЛИТЕРАТУРА

- Борза Ю. Н. 2014: История античной Македонии (до Александра Великого). СПб.
- Габелко О. Л. 2000: К генеалогии эллинистических царских династий // *Античность: эпоха и люди* / О. Л. Габелко (ред.). Казань, 51–61.
- Сивкина Н. Ю. 2009: Греко-македонские отношения в конце III в. до н. э.: последняя попытка интеграции. Дисс. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород.
- Шофман А. С. 1984: Распад империи Александра Македонского. Казань.
- Adams W. L. 2011: Alexander's Successors to 221 BC // *A Companion to Ancient Macedonia* / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Malden (Ma.)–Oxford, 208–224.
- Beloch K. J. 1927: *Griechische Geschichte*. IV, 2-te Aufl. Leipzig.
- Billows R. A. 1991: *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley-Los Angeles-London.
- Breccia E. 1966: *Il diritto dinastico nelle monarchie dei successori d'Alessandro Magno*. Roma.
- Brill's Companion 2011: *Brill's Companion to Ancient Macedon. Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD* / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden–Boston.
- Briscoe J. 1984: The Cognomen Philippus // *Gerión*. 2, 151–153.

Chron. I. 237, 240 Schoene; ср.: *Iust.* XXVI. 3. 4). Возможна аллюзия на какую-то физическую особенность (хромоту?) и в прозвище Гонат (Brown 1979, 306–307).

⁴¹ Буквально — «с головой, подобной морской луковице», а по сути — тот же «Остроголовый» (но с «аттической солью!»); см.: LSJ s. v.

⁴² П. ван Нуффелен, не обращаясь специально к рассматриваемым здесь прозвищам, делает вывод о позднем возникновении такого явления: «Недостаток знаний, которыми располагали римские историки относительно точного происхождения эллинистических титулов, очевиден из иронии или сарказма, который они проявляли в трактовке этих эпитетов, если реальные деяния царя не соответствовали ожиданиям, в его эпитете заложенным» (Van Nuffelen 2009, 104). Очевидно, рассмотренные примеры требуют несколько иного объяснения, ибо в них речь идет об иронии, проявляемой современниками, и потому вполне политически актуальной.

- Brown E. L.* 1979: Antigonus Surnamed Gonatas // *Arktouros. Hellenic Studies Presented to B. M. W. Knox / G. W. Bowersock, W. Burkert, M. C. J. Putnam* (eds.). N. Y., 299–307.
- Campbell D. B.* 2009: Outrage Fortune. The Rise and Fall of Demetrius Poliorcetes // *AWM*. 3, 2, 15–20
- Dell H. J.* 1967: Antigonus III and Rome // *CPh*. 62, 94–103.
- Ehrhardt C.* 1978: Demetrius ὁ Αἰτολικός, and Antigonid Nicknames // *Hermes*. 106. 1, 251–253.
- Gabbert J. J.* 1997: Antigonus II Gonatas: A Political Biography. L.–N. Y.
- Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford.
- Heckel W.* 2006: Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford.
- Hornblower J.* 2001: Hieronymos of Cardia. Oxford.
- Kaerst J.* 1894: Antigonos (4) // *RE*. I. 2, 2413–2417.
- Laquer R.* 1934: Theokrites (2) // *RE*. 2. 10, 2025–2027.
- Le Bohec S.* 1993: Antigone Dôsôn, roi de Macédoine. Nancy.
- Muccioli F.* 2013: Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart.
- Müller O.* 1973: Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn.
- Nadig P.* 2007: Zwischen König und Karikatur. Das Bild Ptolemaios' VIII. im Spannungsfeld der Überlieferung. Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte 97. München.
- Sowa W.* 2006: Die makedonisches Glossen in antiken Quellen // *Studia Etymologica Cra-coviensia*. 11, 115–133.
- Swift Riginos A.* 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication // *JHS*. 114, 103–119.
- Tarn W. W.* 1913: Antigonos Gonatas. Oxford.
- Teodorsson S. T.* 1990: Theocritus the Sophist, Antigonus the One-Eyed and the Limits of Clemence // *Hermes*. 118, 380–382.
- Van Nuffelen P.* 2009: The Name Game: Hellenistic Historians and Royal Epithets // *Faces of Hellenism. Studies in the History of the Eastern Mediterranean (4th Century B.C. – 5th Century A.D.)*. *Studia Hellenistica* 48 / P. Van Nuffelen (ed.). Leuven–Paris–Walpole (Ma.), 94–111.
- Volkman H.* 1979: Antigonos (2) // *KP*. I, 381–382.
- Weber G.* 1998–1999: The Hellenistic Rulers and Their Poets. Silencing Dangerous Critics? // *AncSoc*. 29, 147–174.

O. L. Gabelko

**ANTIGONOS MONOPHTHALMOS AND ANTIGONOS PHOUSKOS:
AN INTERPRETATION OF TWO NICKNAMES OF THE HELLENISTIC MONARCHS**

The article is concerned with the analyses of the unofficial epithets of two members of the Antigonid royal house: Antigonos I Monophthalmos (The One-Eyed) and Antigonos III, who was widely known as Doston but also was mentioned at once as Phouskos (Porphyr. ap. Euseb. *Chron.* I. 237–238, 241–242 Schoene). According to the author's point of view, Antigonos I received his nickname after the improper story with the murder of his enemy, philosopher Theocritus of Chios, who named the king with scoffing alias «The Cyclops» through his heavy wounding deprived him of one eye (Plut. *Mor.* 11b; 633c; Ael. *Var. Hist.* XII. 43). The nickname Μονόφθαλμος, unlike of semantically neutral Ἐτερόφθαλμος, is connected in many sources namely with the Cyclopes and was applied to no one-eyed historical persons for the exception of Antigonos I. As for the nickname Φούσκος, this word, according to lexicographer Hesychios, (s. v.), has a meaning «With a peaked head» and, evidently, was a gloss the Macedonian origin, close to Greek φοξός and describing the characteristic feature of Antigonos III's appearance.

Key words: Antigonids, unofficial nicknames, interpretation.